

способствуя различению значащих единиц; ср., например, нем. List «хитрость» — Mist «навоз» — Mast «мачта» — Macht «сила» и т.д. Любая единица языка должна содержать звуковые признаки со смыслоразличительной функцией, иначе ее нельзя будет отличить от других единиц языка. Различение языковых единиц осуществляется исключительно с помощью таких звуковых признаков, наделенных смыслоразличительной (дистинктивной) функцией. Напротив, признаки звука, наделенные кульминативной и делимитативной функциями, не являются абсолютно необходимыми для языковых единиц. Существуют предложения, в которых разграничение отдельных слов вообще не обозначено никакими особыми признаками звука и многие слова употребляются в составе целого, не имея специальных кульминативных образований. В любом предложении всегда возможна пауза между словами, так что признаки звука с делимитативной и кульминативной функциями служат своего рода суррогатом, заменителями этих пауз. Следовательно, обе эти функции во всех случаях остаются всего лишь удобным вспомогательным средством, тогда как смыслоразличительная функция не просто удобна, но абсолютно необходима и неизбежна для понимания. Таким образом, среди трех функций, которые можно выделить внутри экспликативного аспекта языка, смыслоразличительная функция является самой важной.

В соответствии с тремя функциями звука, которые обнаруживаются в экспликативном аспекте языка, синхронную (описательную) фонологию можно разделить на три части. Само собой разумеется, что раздел, предметом которого является смыслоразличительная, или дистинктивная, функция, по своему объему должен быть несравненно шире двух других разделов, посвященных кульминативной и делимитативной функциям.

Учение о смыслоразличении

(дистинктивная, или смыслоразличительная, функция звука)

І. Основные понятия

1. Фонологическая (смыслоразличительная) оппозиция

Понятие различия предполагает понятие *п р о т и в о п о л о - ж е н и я*, или *о п п о з и ц и и*. Две вещи могут отличаться друг от друга лишь постольку, поскольку они противопоставлены друг

другу, иными словами, лишь постольку, поскольку между ними существует отношение противоположения, или оппозиции. Следовательно, признак звука может приобрести смыслоразличительную функцию, если он противопоставлен другому признаку, иными словами, если он является членом звуковой оппозиции (звукового противоположения). Звуковые противоположения, которые могут дифференцировать значения двух слов данного языка, мы называем фонологическими (или фонологически-дистинктивными, или смыслоразличительными) оппозициями¹. Наоборот, такие звуковые противоположения, которые не обладают этой способностью, мы определяем как фонологически несущественные, или несмыслоразличительные. Противоположение *o—i* в немецком языке является смыслоразличительным (фонологическим); ср. *so* «так» — *sie* «они», *Rose* «роза» — *Riese* «великан»; но противоположение переднеязычного *g* увулярному *g* не является смыслоразличительным, поскольку в немецком нет ни одной пары слов, которая различалась бы этими звуками.

Звуки могут быть взаимозаменяемыми и взаимоисключающими. Взаимозаменяемыми называются такие звуки, которые в данном языке могут находиться в одинаковом звуковом окружении (например, *o* и *i* в приведенных выше немецких примерах); наоборот, взаимоисключающие в данном языке звуки никогда не встречаются в одном и том же звуковом окружении: в немецком это будут так называемые «*ich-Laut*» и «*ach-Laut*»; последний встречается только после *u*, *o*, *a*, *au*, тогда как первый — во всех прочих положениях, но только не после *u*, *o*, *a*, *au*. Из сказанного следует, что взаимоисключающие звуки, как правило, не могут образовывать каких бы то ни было фонологических (смыслоразличительных) оппозиций: никогда не встречаясь в одном и том же звуковом окружении, они не могут выступать в качестве единственного различительного элемента двух слов. Немецкие слова *dich* «тебя» и *doch* «однако» отличаются друг от друга не только двумя разными *ch*, но и гласными; но тогда как различие между *i* и *o* выступает в качестве самостоятельного и единственного дифференцирующего фактора во многих других парах слов немецкого

¹ «Проектом стандартизированной фонологической терминологии» (см. TCLP, IV) был предложен термин «phonologischer Gegensatz», «opposition phonologique» «фонологическое противопоставление». Этот термин можно сохранить для всех тех языков, где слово «фонологический» не вызывает никаких недоразумений. Для английского мы скорее рекомендовали бы термин «distinctive opposition», поскольку такие выражения, как «phonological opposition», «phonemical opposition», могли бы вызвать путаницу.

языка (например, *stillen* «останавливать, унимать» — *Stollen* «штольня»; *giß* «порвал» — *Roß* «конь»; *Mitte* «середина» — *Motte* «моль»; *bin* «есмы» — *Bonn* «Бонн»; *Hirt* «пастух» — *Hort* «клад, сокровище» и т.д.), противоположение *«ich-Laut»* — *«ach-Laut»* всегда сопровождается противоположением предшествующих гласных и, таким образом, не может различать два слова в качестве е д и н с т в е н н о г о дифференцирующего средства. Так обстоит дело со всеми оппозициями взаимоисключающих звуков (ср., однако, ниже, стр. 39 и сл.). Что касается взаимозаменяемых звуков, то они могут образовывать как смыслоразличительные, так и несмыслоразличительные оппозиции. Все зависит исключительно от функции, которую такие звуки выполняют в данном языке. Например, в немецком языке относительная высота тона гласных в слове несущественна для его значения (то есть для его экспликативной функции). Различия между гласными по высоте тона в лучшем случае могут быть использованы как апеллятивное средство. Значение двусложного слова остается при всех обстоятельствах неизменным независимо от того, будет ли гласный второго слога выше или ниже гласного первого слога, будут ли оба слога произноситься с одинаковой высотой тона или нет. Если рассматривать низкое и высокое и как два разных звука, то можно обнаружить, что в немецком языке эти два звука взаимозаменяемы, но смыслоразличительной оппозиции не образуют. С другой стороны, звуки *г* и *л* в немецком тоже взаимозаменяемы, но они являются вместе с тем и членами смыслоразличительной оппозиции; ср., например, такие пары слов, как *Rand* «край» — *Land* «страна»; *führen* «вести» — *fühlen* «щупать»; *scharren* «копать, рыть» — *schallen* «звучать»; *wirst* «становишься» — *willst* «хочешь» и т.д., значения которых различаются лишь благодаря противоположению *г—л*. В противоположность этому *г* и *л* в японском языке взаимозаменяемы, но неспособны быть членами смыслоразличительной оппозиции: в любом слове звук *г* можно заменить звуком *л*, и наоборот; значение слова от этого никак не изменится. Однако относительная высота тона в слоге фонологически существенна для японского языка. Высокое и низкое и здесь не только взаимозаменяемы, но и являются членами смыслоразличительной оппозиции, благодаря чему, например, *цуру* может иметь три разных значения в зависимости от относительной высоты тона обоих и: *цуру* означает «тетива», если первое и выше второго; оно означает «журавль», если первое и ниже второго; оно означает, наконец, «удить», если оба и одинаковы по высоте тона. Таким образом, можно различать два рода взаимозаменяемых звуков: звуки, которые в данном языке образу-

ют смыслоразличительные оппозиции, и звуки, которые образуют лишь несмыслоразличительные оппозиции.

Выше мы сказали, что взаимоисключающие звуки смыслоразличительных оппозиций не образуют. Это утверждение нуждается в некотором ограничении. Взаимоисключающие звуки, не обладающие ни одним общим признаком, который отличал бы их от всех прочих звуков той же системы, все же образуют смыслоразличительные оппозиции. Противоположение «*ich-Laut*» — «*ach-Laut*» в немецком языке не несет смыслоразличительной функции, так как эти звуки являются взаимоисключающими, а их общие признаки (глухой дорсальный спирант) не повторяются ни в одном звуке фонетической системы немецкого языка. Но оппозиция *h*—*η*, члены которой тоже являются взаимоисключающими (ведь *h* встречается только перед гласными, кроме безударных *e* и *i*; *η* — наоборот, только перед безударными гласными *e* и *i* и перед согласными), тем не менее обладает смыслоразличительным характером, поскольку то единственно общее, что присуще этим звукам, а именно их консонантный характер, присуще не только им одним, и, таким образом, не этот признак позволяет отличать их от других согласных немецкого языка. Чтобы отличить подобного рода смыслоразличительные оппозиции от обычных, существующих между взаимозаменяемыми звуками, мы называем их косвенно-смыслоразличительными (или косвенно-фонологическими). Если обычные непосредственно-фонологические оппозиции (типа *o*—*i*, *g*—*i*) могут использоваться непосредственно для различения слов, то в отношении косвенно-фонологических оппозиций это, само собой разумеется, исключено. Однако члены косвенно-фонологической оппозиции могут вступать в отношения, имеющие характер непосредственно-фонологической оппозиции, с любым другим звуком, особенно с таким звуком, который имеет общий с ними признак. Так, например, немецкие *h* и *η* образуют непосредственно-смыслоразличительные оппозиции со многими согласными, например с *r* (*hascken* «клевать» — *racken* «упаковывать», *Ringe* «кольца» — *Rippe* «ребро»), с *l* (*heute* «сегодня» — *Leute* «люди», *fange* «поймал» — *falle* «упал») и т.д.

2. Фонологическая (смыслоразличительная) единица.

Фонема. Вариант

Итак, под фонологической оппозицией (прямой или косвенной) мы понимаем такое противоположение звуков, которое в данном языке может дифференцировать интеллектуальные значения. Каждый член такой оппозиции мы называем фонологической (или смыслоразличительной) единицей¹. Из этого определения следует, что фонологические единицы мо-

¹ Ср. «Проект стандартизированной фонологической терминологии» (TCLP, IV, 311); для английского можно было бы рекомендовать термин *distinctive unit*.

гут быть весьма различными по объему. Такие слова, как *bahne* «прокладываю (путь)» и *banne* «изгоняю», отличаются друг от друга только типом усечения слога (а в связи с этим также количеством гласного и согласного); в такой паре, как *tausend* «тысяча» — *Tischler* «столяр», различие в звуках распространяется на все слово, за исключением анлаута; наконец, в такой паре слов, как *Manp* «мужчина» — *Weib* «женщина», оба слова от начала до конца различны в звуковом отношении. Таким образом, фонологические единицы могут быть более крупными и менее крупными и их можно классифицировать по их относительной величине.

Существуют фонологические единицы, которые можно разложить на ряд следующих друг за другом во времени более мелких фонологических единиц. К такому типу единиц принадлежат [m:] и [b:] в немецких словах *Mähne* «грива» — *Bühne* «сцена». Из противопоставлений *Mähne* «грива» — *gähne* «зеваю» и *Mähne* «грива» — *mähne* «увешиваю, предупреждаю» следует, что [m:] распадается на [m] и [ɛ:], а из противопоставления *Bühne* «сцена» — *Sühne* «покаяние» и *Bühne* «сцена» — *Bohne* «боб» вытекает, что [b:] распадается на [b] и [y:]. Но такие фонологические единицы, как m, b, ɛ:, y:, уже нельзя себе представить в виде ряда следующих друг за другом еще более кратких фонологических единиц. С фонетической точки зрения каждое b, конечно, состоит из целого ряда движений органов речи: сперва сближаются губы, затем они смыкаются друг с другом настолько, что полость рта полностью изолируется от внешней среды; одновременно поднимается нёбная занавеска и упирается в заднюю стенку зева, закрывая таким образом ход из глотки в полость носа; вместе с этим начинают колебаться голосовые связки; поступающий из легких воздух проникает в полость рта и скопляется за сомкнутыми губами; наконец, под напором воздуха губы размыкаются. Каждому из этих следующих друг за другом движений соответствует определенный акустический эффект. Но ни один из этих «акустических атомов» нельзя рассматривать в качестве фонологической единицы, поскольку такие «атомы» всегда выступают вместе, а не раздельно: за губной «имплозией» всегда следует «эксплозия», которая в свою очередь начинается «имплозией»; *Blählaut* («звонкий пазвук, гул») с лабиальной окраской, который звучит между имплозией и эксплозией, не может появиться без лабиальной имплозии и эксплозии. Следовательно, b в целом является фонологической, неразложимой во времени единицей. То же самое можно сказать и о других упомянутых выше единицах. Долгое [y:] нельзя представлять себе как ряд кратких [y]. Конечно, с фонетической точки зрения это

[y:] представляет собой некоторый промежуток времени, заполненный артикуляцией [y]. Однако если попытаться заполнить часть этого отрезка времени другой вокалической артикуляцией, то мы не получим другого немецкого слова (Baïne, Bûane, Biïne, Buïne и др. в немецком языке невозможны). Именно с точки зрения немецкой фонологической системы долгое [y:] неразложимо во времени.

Фонологические единицы, которые с точки зрения данного языка невозможно разложить на более краткие следующие друг за другом фонологические единицы, мы называем **фо н е м а м и**¹. Следовательно, фонема является кратчайшей фонологической единицей языка. Каждое слово языка в плане обозначающего можно разложить на фонемы, представить как определенный ряд фонем.

Само собой разумеется, что не следует слишком упрощать факты. Не будем представлять себе фонемы теми кирпичиками, из которых складываются отдельные слова. Дело обстоит как раз наоборот: любое слово представляет собой целостность, с т р у к т у р у; оно и воспринимается слушателями как структура, подобно тому как мы узнаем, например, на улице знакомых по их общему облику. Опознавание структур предполагает, однако, их различие, а это возможно лишь в том случае, если отдельные структуры отличаются друг от друга известными признаками. Фонемы как раз и являются **р а з л и ч и т е л ь н ы м и п р и з н а к а м и** словесных структур. Каждое слово должно содержать столько фонем и в такой

¹ В 1912 г. Л.В. Щерба дал следующее определение фонемы: «Фонемой называется кратчайшее общее фонетическое представление данного языка, способное ассоциироваться со смысловыми представлениями и дифференцировать слова...» (Л.В. Щерба, Русские гласные в качественном и количественном отношении, СПб., 1912, стр. 14). В этом определении (тогда Щерба еще целиком стоял на позициях ассоциативной психологии), а также в другой его работе «*Count exposé de la prononciation russe*», СПб., 1911, стр. 2, кажется, впервые была столь четко подчеркнута смысловозначительная функция фонемы. В 1928 г. Н.Ф. Яковлев дает определение фонемы, уже очищенное от элементов психологизма: «...фонемы — это те звуки, с помощью которых происходит различение слов в языке. Точнее говоря, мы должны признать фонемами те звуковые отличия, которые выделяются в речи как ее кратчайшие звуковые моменты в отношении к различению значимых элементов языка» (Н.Ф. Яковлев, Математическая формула построения алфавита, «Культура и письменность Востока», I, М., 1928, стр. 46). Определение, приведенное нами выше, было сформулировано впервые в 1929 г. Р. Якобсоном в работе «*Remarques sur l'évolution phonologique du russe*», TCLP, II, 5: «Все члены фонологической оппозиции, которые не разложимы далее на более дробные фонологические оппозиции второго порядка, называются фонемами». В несколько измененном виде («...которые не разложимы на более мелкие и более простые фонологические единицы») это определение было включено также в «Проект стандартизированной фонологической терминологии» (TCLP, IV, 311).

последовательности, чтобы можно было отличить его от других слов. Ряд фонем, составляющий целое, присущ лишь данному единичному слову, но каждая отдельная фонема этого ряда встречается в качестве различительного признака также и в других словах. Ведь в любом языке число фонем, употребляемых в качестве различительных признаков, гораздо меньше числа слов, так что отдельные слова представляют собой лишь комбинацию фонем, которые встречаются и в других словах. Это несколько не противоречит структурному характеру слова. Каждое слово как структура всегда представляет собой нечто большее, нежели только сумму его членов (= фонем), а именно такую целостность (*Ganzheitsgrundsatz*), которая спаивает фонемный ряд и дает слову индивидуальность. Но в противоположность отдельным фонемам эта целостность не может быть локализована в звуковой оболочке слова. Поэтому можно сказать, что каждое слово без остатка разлагается на фонемы, что оно состоит из фонем точно так же, как мы, например, говорим, что мелодия, написанная в мажорной тональности, состоит из тонов этой гаммы (хотя любая мелодия, кроме тонов, явно содержит еще нечто такое, что делает ее определенной индивидуальной музыкальной структурой)¹.

Одно и то же звуковое образование (*Lautgebilde*) может быть одновременно членом как фонологических (смыслоразличительных), так и несмыслоразличительных оппозиций. Так, например, оппозиция «*ach-Laut*» — «*ich-Laut*» является несмыслоразличительной, а оппозиция каждого из этих звуков по отношению к звуку *k* — смыслоразличительной (ср. *stechen* «колоть, резать» — *stecken* «совать»; *roch* «нюхал» — *Rock* «пиджак»). Это возможно лишь потому, что каждый звук содержит ряд акустико-артикуляторных признаков, отличаясь от любого другого звука не всеми этими признаками, а лишь некоторыми из них. Так, например, *k* отличается от *ch* тем, что при произнесении первого образуется полная смычка, а при произнесении второго — лишь сужение между спинкой языка и нёбом; наоборот, различие между «*ich-Laut*» и «*ach-Laut*» состоит в том, что в первом случае щель образуется в области твердого нёба, а во втором — в области мягкого нёба. Если оппозиция *ch* — *k* имеет смыслоразличительный характер, а оппозиция «*ich-Laut*» — «*ach-Laut*» — несмыслоразличительный, то это доказывает, что в данном случае образование щели между спин-

¹ См. по этому поводу Karl Bühler, *Psychologie der Phoneme* (Proceedings of the Second international congress of phonetic sciences, стр. 162 и сл.), и N.S. Trubetzkoy, *Über eine neue Kritik des Phonembegriffes*, «Archiv für vergleichende Phonetik», 1, стр. 129 и сл., особенно стр. 147 и сл.

кой языка и нёбом фонологически существенно, а локализация этой щели в той или иной части нёба фонологически несущественна. Звуки участвуют в фонологических (смыслоразличительных) оппозициях лишь благодаря своим фонологически существенным признакам. И так как каждая фонема обязательно является членом фонологической оппозиции, то она совпадает не с конкретным звуком, а только с его фонологически существенными признаками. Можно сказать, что **фо-не-ма** — это совокупность фонологически существенных признаков, свойственных данному звуковому образованию¹.

Любой произносимый и воспринимаемый в акте речи звук содержит, помимо фонологически существенных, еще и много других фонологически несущественных признаков. Следовательно, ни один звук не может рассматриваться просто как фонема. Поскольку каждый такой звук содержит, кроме прочих признаков, также и фонологически существенные признаки определенной фонемы, его можно рассматривать как **р е а л и з а ц и ю** этой фонемы. Фонемы реализуются в звуках речи, из которых состоит любой речевой акт. Звуки никогда не являются самими фонемами, поскольку фонема не может содержать ни одной фонологически несущественной черты, что для звука речи фактически неизбежно. Конкретные звуки, слышимые в речи, являются скорее лишь материальными символами фонем.

Непрерывный звуковой поток в речи реализует или символизирует определенный фонемный ряд. В определенных точках такого потока можно опознать фонологически существенные признаки звука, характерные для отдельных фонем соответствующего фонемного ряда. Каждую такую точку можно рассматривать как реализацию определенной фонемы. Но, помимо фонологически существенных звуковых признаков, в той же самой точке звукового потока обнаруживаются еще многие другие, фонологически несущественные звуковые признаки. Совокупность всех, как фонологически существенных, так и несущественных, признаков, которые обнаруживаются в той точке звукового потока, где реализуется фонема, мы называем **з в у к о м** языка (и соответственно **з в у к о м** речи). Каждый звук содержит, таким образом, с одной стороны, фонологически существенные признаки, благодаря которым он становится реализацией определенной фонемы, и, с другой стороны, целый ряд фонологически несуще-

¹ Ср. аналогичное определение Р. Якобсона в чешской энциклопедии «Ottiv slovník naučný», Dodatky, II, 1, 508 (под словом «fonéma»).

ственных признаков, выбор и появление которых обусловлены рядом причин.

Отсюда явствует, что фонема может реализоваться в ряде различных звуков. Для немецкого *g*, например, фонологически существенны следующие признаки: полная смычка спинки языка с нёбом при поднятой нёбной занавеске, расслабление мускулатуры языка и размыкание смычки без воздушного потока. Однако место, где должна образовываться смычка языка с нёбом, работа губ и голосовых связок во время смычки фонологически несущественны. Таким образом, в немецком языке существует целый ряд звуков, которые считаются реализацией одной фонемы *g*: есть звонкое, полувзвонное и абсолютно глухое *g* (даже в тех говорах, где слабые, как правило, звонки), лабиализованное велярное *g* (например, *gut* «хороший», *Glut* «жар, зной»), узко лабиализованное палатальное *g* (например, *Güte* «качество», *Glück* «счастье»), нелабиализованное велярное *g* (например, *ganz* «целый», *Wage* «весы», *tragen* «носить»), нелабиализованное сильно палатальное *g* (например, *Gift* «яд», *Gier* «жадность»), умеренно палатальное *g* (например, *gelb* «желтый», *liege* «лежу») и т.д. Все эти различные звуки, в которых реализуется одна и та же фонема, мы называем в а р и а н т а м и (или фонетическими вариантами) одной фонемы.

3. К определению фонемы

Данное здесь определение понятий «фонема», «звук», «вариант» принимается не всеми лингвистами; к тому же оно и формулировалось вначале иным образом.

Первоначально определение фонемы опиралось на психологические понятия. Бодуэн де Куртене определил фонему как «психический эквивалент звука речи»¹. Такое определение оказалось несостоятельным, поскольку одной и той же фонеме может соответствовать ряд звуков (как ее варианты), причем каждому звуку соответствует собственный «психический эквивалент», а именно соответствующие акустические и моторные представления. Кроме того, определение Бодуэна де Куртене предполагает, что сам звук является совершенно конкретной положительно данной величиной. В действительности это не так; положительно данным является только континуум в виде звукового потока; и если мы извлекаем из континуума отдельные «звуки», то это происходит как раз потому, что данный отрезок звукового потока «соответствует» слову, содержащему определенные фонемы. Звук языка можно определить только по соотношению с фонемой. Исходить при определении фонемы из звука — значит вращаться в порочном кругу.

¹ См. Брокгауз и Ефрон, Энциклопедический словарь, т. 36, статья «Фонема».

Автор настоящего труда в своих первых фонологических работах тоже не раз прибегал к выражению «представление звука», когда речь шла о фонеме¹. Это выражение было неудачным на том же основании, что и приведенное выше определение Бодуэна де Куртене. В самом деле, любому фонетическому варианту соответствуют свои акустико-моторные представления, поскольку артикуляция регулируется и контролируется говорящим. Нет также никаких оснований считать одни из этих представлений «сознательными», а другие «бессознательными». Степень осознанности артикуляции зависит исключительно от тренировки. При соответствующем натаскивании осознаваться могут и нефонологические признаки; благодаря этому ведь и возможна так называемая «слуховая фонетика». Следовательно, фонему нельзя определять ни как «представление звука», ни как «сознательное представление звука», противопоставляя ее на основе этого признака звуку (фонетическому варианту). Выражение «намерение произнести звук» (*Lautabsicht*), употребленное автором настоящей работы в докладе на Втором международном лингвистическом конгрессе в Женеве², было, собственно говоря, лишь волюнтаристским истолкованием понятия «представление звука», примененного к определению фонемы, и поэтому также неудачно. Тот, кто имеет намерение произнести слово *gib*, должен *eo ipso* иметь намерение выполнить и все необходимые для его произнесения движения органов речи, стало быть, нужно быть готовым произнести и палатальное *g*, а это намерение является совсем не тем, какое мы имеем, когда собираемся произнести слово *gab* с его велярным *g*. Все эти психологические выражения не схватывают существа фонемы и поэтому должны быть отвергнуты. В противном случае они могут привести к стиранию границ между звуком и фонемой, что фактически и наблюдалось неоднократно как у самого Бодуэна де Куртене, так и у некоторых его последователей.

При определении фонемы не следует прибегать к психологии, так как фонема является языковым, а не психологическим понятием³. В определении фонемы необходимо устранять любую ссылку на «языковое сознание». Ведь «языковое сознание» является либо метафорическим обозначением языка (*langue*), либо совершенно смутным понятием, которое само нуждается в определении, а возможно, и вообще не может быть определено. Вот почему является спорным и определение фонемы, предложенное Н. Ван-Вейком⁴. Согласно Ван-Вейку, «фонемы образуют категорию

¹ См. «*Polabische Studien*» («*Sitzb. Wien. Akad., phil.-hist. Kl.*», CCXI, № 4), стр. 111; «*Versuch einer allgemeinen Theorie der phonologischen Vokalsysteme*», TCLP, I, 39. Впрочем, это выражение никогда не употреблялось автором в качестве точного научного определения. Вообще автору в то время было важно не столько формулировать определения, сколько дать правильное применение понятию «фонема». А применение этого понятия в первых фонологических работах автора было точно таким же, как и теперь (см., например, «*Polabische Studien*», стр. 115–120)

² Cp. *Actes du IIème congrès international de linguistes*, стр. 120.

³ Cp. TCLP, II, стр. 103.

⁴ См. «*De Nieuwe Taalgids*», 1936, стр. 323.

языковых элементов, которые наличествуют в душе всех членов данной языковой общности». Фонемами являются «кратчайшие единицы, которые ощущаются языковым сознанием как неразложимые далее на части». Понятие «фонемы» связывается здесь с такими смутными и неопределенными понятиями, как «душа», «языковое сознание», «ощущаться», что не может способствовать прояснению существа «фонемы». Если бы мы приняли данное определение, мы никогда бы не знали, что в каждом конкретном случае следует считать фонемой, ибо невозможно проникнуть в «душу всех членов данной языковой общности» (особенно если дело идет о мертвых языках). Равным образом шекотливым и крайне затруднительным предприятием является попытка вскрыть, «что ощущает» языковое сознание. «Языковое сознание» действительно не в состоянии расчленить фонему на следующие друг за другом части, а все члены одного языкового сообщества действительно «обладают» одними и теми же фонемами; однако эти два правильных утверждения ни в коем случае не могут рассматриваться как определения фонемы. Фонема является прежде всего функциональным понятием, которое должно определяться относительно своей функции. С помощью психологистических понятий такое определение дать нельзя.

Другие также не вполне исчерпывающие определения исходят из факта существования комбинаторных вариантов. Д. Джоунз определяет фонему как семью или группу акустически или артикуляторно родственных звуков, которые никогда не встречаются в одинаковом звуковом окружении. Это первое определение Джоунза, таким образом, предполагает, что человеческая речь состоит из фонем и звуков, причем фонемы и звуки лежат не в разных, а в одной и той же плоскости, прилегая друг к другу. В таком немецком слове, как *Wiege* «колыбель», *v*, *i* и *э* являются звуками (поскольку они не обнаруживают каких-либо комбинаторных вариантов, воспринимаемых невооруженным ухом), а *g* — фонемой (поскольку ее произношение зависит от звукового окружения). Совершенно очевидно, что такое употребление понятий «фонема» и «звук» имеет смысл только в отношении букв: тогда под «фонемами» следовало бы понимать такие буквы, которые произносятся по-разному в зависимости от их положения в слове, а под «звуками» — такие буквы, которые произносятся всегда одинаковым образом. Первоначально понятие «фонемы» стояло у Джоунза в теснейшей связи с проблемой «фонетической транскрипции»¹. Очень скоро, однако, он понял, что «теория фонем» в таком виде несостоятельна и нуждается в дополнениях. Определение фонемы осталось при этом, по сути дела, тем же самым, но оно было распространено не только на семьи и группы таких взаимодополняющих друг друга звуков, которые могут восприниматься невооруженным ухом как звуки различные, но и на звуки, различие которых непосредственно не воспринимается. И поскольку экспериментальная фонетика показала, что практически невозможно точно воспроизвести один и тот же звук в разных звуковых окружениях, то при

¹ См. J. V a s h e k в «Charisteria Guilelmo Mathesio», стр. 25 и сл. и приведенный там перечень работ Джоунза.

новом понимании фонемы фонемами в слове *Wiege*, о котором речь шла выше, оказались не только *g*, но и *v*, *i*, *ə*. В первый период развития своей теории фонем Джоунз наряду с фонемами и звуками допускал еще существование «диафонов»; под диафонами он понимал семьи звуков, которые могут замещать друг друга, не меняя значения слов. Но так как инструментальная фонетика учит, что точно повторить один и тот же звук в одной и той же звуковой позиции практически невозможно, то, собственно говоря, Джоунзу следовало бы вообще говорить не о звуках, а только о диафонах, а фонемы определять как семью взаимодополняющих друг друга диафонов. Действительно, к сходным результатам Джоунз и пришел на последнем этапе развития своей теории фонем. Он присоединился при этом к теории «абстрактных звуков», которую развивали японский профессор Дзимбо и преподаватель английского языка в Токио Пальмер. Конкретные звуки, воспринимаемые нами, отличаются друг от друга; дважды произнести в точности один и тот же звук практически невозможно. Но известные звуки имеют так много общих черт, так сходны между собой, что мы можем объединить их общие черты в единое представление и мысленно оперировать таким представлением. Так возникают «абстрактные звуки», например велярное *g*, палатальное *g* и т.д. Но это всего лишь абстракция первой ступени. Если теперь подвести под общее представление целую семью таких абстрактных звуков, которые, с одной стороны, обнаруживают между собой определенное сходство, а с другой стороны, никогда не встречаются в данном языке в одном и том же звуковом окружении, то мы получим вторую ступень абстракции. Фонемы и будут такими абстрактными звуками второй ступени. Против этого определения следует прежде всего выдвинуть следующее возражение. Известно, что каждая абстракция предполагает какое-то основание, на почве которого она и образуется. Множеству конкретных собак могут соответствовать абстрактные представления «большая собака», «черная собака», «верная собака», «пудель» и т.д.; в зависимости от того, что принято за основу абстракции, каждая из этих «абстрактных собак» будет включать в свой состав совершенно разных «конкретных собак». Джоунз говорит об абстрактных звуках, не задумавшись о том, на основании чего происходит абстрагирование. На «первой ступени» он абстрагирует, исходя из акустико-артикуляторного сходства, на «второй ступени» — исходя из отношения к звуковому окружению. Эти два основания для абстрагирования столь различны, что их ни при каких обстоятельствах нельзя выдвигать в качестве двух ступеней одного и того же процесса абстрагирования. Кроме того, необходимо вновь указать на неопределенность понятия «звук» («конкретный звук»). Конкретные звуки существуют лишь постольку, поскольку они являются реализациями фонем. Тем самым «первая ступень абстракции» по существу оказывается второй. Так как понятие фонемы было выработано Джоунзом лишь для транскрипционных целей, оно, пожалуй, и представляет собою практическую ценность, но лингвистики как таковой оно мало касается. Достаточно, однако, было преобразовать это понятие так, чтобы оно соответствовало определенным языковым явлениям, как сразу же обнаружилась несостоятельность самого исходного пункта определения фонемы.

Фонема не может получить удовлетворительного определения, если исходить из ее психологической природы или из ее отношения к фонетическим вариантам; фонему можно определить, только исходя из ее функции в языке. Определим ли мы ее как минимальную смысловозначительную единицу (Л. Блумфилд), или как звуковую примету (Lautmal) телесной оболочки слова (К. Бюлер) — все сводится к одному, а именно к тому, что любой язык предполагает наличие смысловозначительных (фонологических) оппозиций и что фонема является членом такой оппозиции, не разложимым на более мелкие смысловозначительные (фонологические) единицы. В этом совершенно ясном и недвусмысленном определении ничего нельзя изменить. Любое видоизменение этого определения поведет только к усложнению, которого можно избежать.

Впрочем, мотивы, приводящие к подобного рода усложнениям, психологически иногда не только понятны, но и вполне оправданы. Так, исключительно сложное определение фонемы американского фонолога В.Ф. Тводделла в его заслуживающей внимания работе «Об определении фонемы»¹ объясняется, как кажется, боязнью гипостазирования фонемы, то есть понимания фонем как вещей, которыми обладает говорящий и из которых он, как из кирпичиков, составляет слова и предложения². Чтобы устранить эту опасность, Тводделл особенно сильно подчеркивает реляционный характер фонемы (то есть ее сущность как члена оппозиции) и строит с этой целью свою теорию фонемы, которую кратко можно изложить в следующем виде: «Высказывание» (то есть конкретный речевой акт) представляет собой физическое явление (звучание), связанное с определенным значением. Звуковой комплекс, который повторяется в разных высказываниях и всюду имеет одно и то же значение, называется «формой». Две формы с разными значениями различаются в принципе и по звучанию (если отвлечься от омонимов, которые во всех языках являются относительно редкими³). Степень звукового несовпадения двух разных форм может быть различной. Минимальное звуковое различие между двумя несходными формами соответствует отрезкам данного звукового комплекса. Группа форм, минимально отличающихся друг от друга, образует «класс». Этот класс характеризуется звуковым комплексом, общим для всех его членов; если минимальное различие во всех этих членах затрагивает один и тот же отрезок (например, начало или конец), то такой класс является «упорядоченным». Так, например, немецкие слова *lahm* — *kam* — *Rahm* — *Scham* — *zahn* образуют упорядоченный класс. Отношения между членами класса суть минимальные фонологические оппозиции; члены таких оппозиций Тводделл называет «микрофонемами» (в нашем случае *p* — *l* — *k* — *r* — *sch* — *ts* являются «микрофонемами» класса форм, характеризующегося последующим *am*). Фонетическое соответствие «микрофонемы» содержит целый ряд артикуляторных при-

¹ W. Freeman T w a d d e l l, On defining the phoneme (Language monographs, publ. by the Linguistic society of America, XVI, 1935).

² Цит. паб., стр. 53.

³ Ср. В. Т r n k a, Bemerkungen zur Homonymie, TCLP, IV, стр. 152 и сл.

знаков. Два класса форм называются «равноупорядоченными», если отношения между их микрофонемами тождественны. Так, например, английские классы pill — till — kill — bill и nap — gnat — knack — pav равноупорядочены, ибо, несмотря на то, что фонетическое качество микрофонема в обоих случаях не является абсолютно одинаковым (р, t, k в начале слова аспирированы, в исходе не аспирированы), отношения между этими микрофонемами все же тождественны. Все микрофонемы, занимающие одно и то же место в разных равноупорядоченных классах форм, образуют «макрофонему», которая соответствует фонеме в нашем понимании. Как совершенно справедливо заметил Вахек¹, это определение фонемы по существу совпадает с нашим: микрофонемы и макрофонемы Тводделла суть неразложимые дальше члены оппозиции; о макрофонеме он говорит, что она является суммой фонологически существенных признаков звука.

Таким образом, сложными и окольными путями Тводделл пришел к тем же результатам, которые мы получили более кратким путем. При этом сложный и окольный путь не дает никаких преимуществ. Наше определение тоже не содержит ничего такого, что предполагало бы или вызывало гипостазирование фонемы. Карл Бюлер рассматривает фонему как «звуковую примету оболочки слова» (Lautmal am Wortgesicht), что хорошо согласуется с пониманием слова как структуры. Такое понимание фонемы полностью совпадает с нашим определением, так же как и «абстрагирующая релевантность», которую К. Бюлер с полным правом рассматривает в качестве основы и логической предпосылки нашего понятия «фонемы»². Преимущества, которые может представить различение микрофонемы и макрофонемы, с равным успехом могут быть получены, если обратиться к нашему учению о нейтрализации фонологических противоположений и об архифонеме (см. ниже, гл. III). Причем наше решение данной проблемы устраняет опасность атомизации фонологии, связанную с учением о микрофонеме. Итак, мы полагаем, что усложненная теория фонемы, которую развивает Тводделл, не может заменить предложенного нами выше определения фонемы. Большая заслуга Тводделла заключается в решительном устранении психологических и натуралистических предрассудков, сложившихся вокруг понятия фонемы (как у отдельных ее сторонников, так и у отдельных ее противников). Правда, свойственный ему абстрактный способ выражения и его философски вышколенный способ мышления предъявляют весьма большие требования к читателю, до которых не доросли многие упорные противники фонологии, что могло привести (и уже привело) к недоразумениям. Так, утверждение Тводделла, что фонема является «абстрактной, фиктивной единицей» (abstractional, fictions unit), а не физической или психической реальностью, с большим удовлетворением было воспринято Б. Коллиндером и П. Мериджи как прямой отказ от понятия фонемы³. В действительности же

¹ J. Vachek в «Proceedings of the Second international congress of phonetic sciences», стр. 33 и сл.

² См. TCLP, IV, 22—53.

³ Cp. P. Meriggi, «Indogermanische Forschungen», LIV, 76, и B. Collinder, «Actes du IVème congrès international de linguistes». Copenhagen, 1938.

Тводделл имел в виду то самое, что Фердинад де Соссюр рассматривал как сущность любой языковой значимости («entités oppositives, relatives et négatives») и что может быть сказано относительно любой з н а ч и м о с т и. Так как фонема принадлежит языку, а язык представляет собой социальное установление, то фонема тем самым является значимостью (ценностью) и обладает тем же способом бытия, что и все значимости. Значимость денежной единицы (например, доллара) точно так же является не физической и не психической реальностью, а чисто абстрактной и «фиктивной» величиной. Однако без такой «фикции» не могло бы существовать государство...

А В. де Гроот определяет фонему следующим образом: «Фонема — это фонологический символический признак с самостоятельной функцией. Благодаря тому что фонема узнается и отождествляется, она в случае необходимости способствует и облегчает узнавание и отождествление слов и частей слова, которые имеют символическую значимость. В этом и заключается существенная функция фонемы. Таким образом, мы можем определить фонемы как кратчайшие части звукового ряда, которые выполняют эту функцию¹. Арво Сотавалта² присоединяется к данному определению, формулируя его, однако, гораздо яснее; при этом он говорит не о фонемах, а о «звуках». Под звуком он понимает «кратчайшую часть обнаруживающегося в потоке речи звукового ряда, которая требует более или менее определенного времени для своего производства, которую мы можем узнать и отождествить и которая благодаря соединению с однородными ей звуками в состоянии образовывать языковые формы, узнаваемые и отождествляемые». Спрашивается, однако: почему узнаются «звуки», «слова», «части слов»? И что вообще означает «узнаваться» и «отождествляться»?.. Само собой разумеется, что узнаваться может только то, что чем-нибудь отличается от других вещей того же рода. Узнаваемыми и отождествляемыми являются такие слова, которые отличаются от всех других слов особыми звуковыми «дифференцирующими признаками». Слово *Leber* «печень» отождествляется лишь потому, что оно отличается своим *l* от слов *Weber* «ткач», *Geber* «податель», своим *e* от слова *lieber* «лучше», своим *b* от слова *Leder* «кожа», наконец, своим *g* от слова *Leben* «жизнь». Звуковой элемент, не обладающий способностью отличать один звуковой ряд от другого, не может быть и узнан. Узнавание, таким образом, не является чем-то первичным: оно представляет собой логическое следствие различения. Кроме того, «узнавание» — суть психологический процесс, и было бы неблагоприятно привлекать психологические понятия для определения понятий лингвистических. Напротив, различение слов является чисто лингвистическим понятием. Отсюда следует, что нашему определению фонемы надо отдать предпочтение.

¹ См. TCLP, IV, 125

² Arvo Sotavälta, *Die Phonetik und ihre Beziehungen zu den Grenzwissenschaften*, стр. 10.